

Новые Известия - 1999 -
21 окт - с. 7.

Константин Кедров, «Новые Известия»

Бомба Андрея Вознесенского

Андрей Вознесенский снова удивил поэтическую Москву. Вечер, состоявшийся 19 октября, в годовщину пушкинского Лицея, стал бомбой, начиненной поэзией. Не случайно прозвучали строки, где «Атилла» провез «сто тонн тротила». Таким «тротилом» стала восстановленная документальная фонограмма ругани Хрущева на встрече с писателями: «Господин Вознесенский, убирайтесь отсюда вон к своим друзьям и хозяевам! Я рабочий своего класса! Хватит отпели! Теперь будут заморозки». К сожалению, в письменной речи невозможно передать этот ор и хрюкающий визг коммунистического диктатора. Его ярость была явно несопоставима с прерванной фразой Вознесенского, произнесенной с трибуны: «Я не являюсь членом коммунистической партии...» — «Почему вы это афишируете?! А я член коммунистической партии!» — взревел разъяренный вождь. Конечно, Хрущев тогда выглядел таким же сумасшедшим, как Макашов сегодня. Но в те времена это было сумасшествие, наделенное неограниченной властью. Именно в этом контексте были написаны Вознесенским строки якобы от лица Мэрилин Монро: «Невыносимо, когда бездарен. / Когда талантлив, невыносимей».

Хрюканье, ор, рев и визг Хрущева — это общий фон той эпохи, когда сквозь все запреты прорвалась к читателю поэзия Вознесенского: «И в Лувр он попал не через главный порог. / Параболой гневно пробив потолок». Политбюро долго ломало голову над двумя словами поэта «мать-тьма»: «Понятно — это он смеется над Родиной-матерью» — «Нет, это он посылает нас к ... матери».

В какой-то момент могло показаться, что уже никакая позиция не перекроет этот бешеный натиск ругани из великодержавных глоток. Но

СЕРГЕЙ ИЛЬИН

случилось чудо. Вознесенский читал тихо, очень тихо. Но чем тише он читал, тем благодарнее и отзывчивее был зал «Новой оперы»: «Тишины хочу, тишины. / Нервы, что ли, обожжены».

Только временами поэт возрождал эстрадные интонации. Несмотря на свою самую широкую известность в России и в мире, Вознесенский до сих пор остается поэтом еще непонятым. В нем видят то лирика, то эстрадника, то блестящего словесного эквилибриста. На самом же деле перед нами поэт маяковской мощи, лермонтовской лиричности и тютчевской глубины. Он не первооткрыватель, а первопроходец. Там, где прошел Вознесенский, другим ходить навсегда заказано. Можно, конечно, семенить заячьими прыжками вслед за слоном или мамонтом, но лучше свернуть в сторонку. После Вознесенского остается не дорога, а сквозной просвет в другие антимиры, где всех остальных ждет только аннигиляция.

В какой-то момент мне даже показалось, что Вознесенский на сцене среди всех этих букетов, записок и микрофонов страшно одинок. Вспыхнул свет в зале, раздались выкрики: «Браво», выстроилась очередь за автографами. Все, как всегда. Но не совсем, как всегда. На этот раз было еще и то, чего я не видел и не слышал раньше на вечерах поэта. Было ошеломление от поэзии у части зала, которая в этот момент вспоминала то, о чем давно все забыли. А забыли люди великую радость, которая возникает от соприкосновения с голосом большого поэта. Никакие актеры, никакие самые великие чтецы-декламаторы этого никогда не заменят и не воссоздадут. Никакие записки на пленку, никакие кинофото-документы не сохраняют самое главное — живое присутствие Вознесенского. Осмелюсь заметить, что личность поэта всегда больше его стихов — он сам поэзия. И зал «Новой оперы» это понял и почувствовал. Вечер войдет в историю русской поэзии конца века как одна из самых светлых ее страниц.